

народов после поворота русского государственного управления, то прежняя волость и восемь булуков баргузинских бурят теперь, объединившись в четыре хошуна, стали называться Баргузинским бурятским аймаком...» [1].

Итак, Баргузинская котловина постоянно испытывала на себе исторические периоды заселения и освоения края разными народами, разными культурами, которые образовывали наслоения. Исследуя эти наслоения, мы можем проследить формирование в целом культурного ландшафта Баргузинской долины и представить ее модель.

Литература

1. Национальный архив РБ. Ф. 7. Д. 6.
2. Ковалевский М. М. Общинное землепользование, причины, ход и последствия его разложения / М. М. Ковалевский. – М., 1879.
3. Неупокоев В. Тунгусы Бурятии // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1926. – № 6.
4. Тиваненко А. В. На стыке времен народов // Баргузинская котловина. – 1979.
5. Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII – середина XX века / М. М. Шмулевич. – Новосибирск : Наука, 1985.
6. Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX) / А. С. Шубин. – Улан-Удэ, 1973.

ЮДОВА С. А.

МЕСТО РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ПАРСОВ

Общеизвестна роль религии в формировании этнической культуры, являющейся в большинстве своем ее базовым элементом. Особенно возрастает функциональное значение религии в случаях, когда этническая группа длительно существует в инорелигиозной, иноэтнической среде, вне пределов исторической родины. В таких условиях складываются устойчивые этноконфессиональные общности, для которых религия является структурообразующим стержнем. У мигрирующих этнических групп, нацеленных на самосохранение, особенно востребованной (не всегда осознанно или проговариваемо внутри общины) оказывается интегрирующая функция религии, которая содействует внутренней социальной интеграции, освящает (делает предосудительным их нарушение) этические нормы и порядок социальной

организации общины. Религия вплотную смыкается с культурной традицией, регулируя ее принципы и практику. Система духовных и этических ценностей, ритуалы и церемонии, праздники и обряды регулируют поведение людей внутри конфессиональной общины.

Парсийская община – это этноконфессиональная общность индийских зороастрийцев, выходцев из Ирана. Отсюда и название общины: парсы – искаженное от слова «персы» [4, vol. 9, p. 170]. Также можно утверждать, что парсы (Parsis) – это и самоназвание общины, которая ведет свое происхождение от выходцев из области Парс (Pars) или Фарс (Fars) [1, p. 46]. В отношении этой этноконфессиональной общности в Индии употреблялись и другие названия. Так, например, португальцы в Индии называли их Парикос (Paricos) [5, p. 180]. Гарсиа д'Орта, португалец, побывавший в Индии в XIV в., называет парсов Коарис (Coaris). Этнони Мансерейт, приглашенный ко двору Акбара, также называет парсов Coaris. Название «Coaris» происходит от искаженного «гяуры» (Gaur) или «гебры» (Guebres), использовавшихся мусульманами для названия огнепоклонников. Мусульманские авторы также называли парсов «Язенис» – Jazeneze или Yazadis, или – выходцы из г. Йезд (Jaze / Yezd) в Персии. Чаще всего мусульмане называли их гебрами или гяурами, т. е. неверными – термином, который применялся для обозначения всех немусульман, включая индусов, но особенно в отношении парсов. Мусульмане называли парсов гебрами (Gabr – Gaur-kur) – слепцами в отношении религии, полагая, что те не прозрели в отношении веры Мухаммеда. Также у мусульманских авторов встречаются названия «зороастрийцы», «огнепоклонники» («Atash-parastan» или «Azarparastan»), парсы [5, p. 181].

Предки современных парсов, спасаясь от религиозных преследований мусульман на родине, в VIII–X вв. переселились в Индию на территорию Гуджарата. Данное обстоятельство обусловило то, что у истоков истории парсийской общины в Индии стоит вынужденная миграция, имеющая целью сохранение своей религиозной, этнической идентичности.

Согласно парсийской хронике «Киссаи-Санджан» – «Сказ о городе Санджане» (эпическая поэма, сочиненная парсийским жрецом Бахманом Канкобадом в 1600 г. на основе устных преданий) [4, p. 241; 6, с. 196], поселились парсы на территории Гуджа-

рата с согласия местного раджи. После переговоров с раджей парсы получили разрешение жить на морском побережье там, где они высадились, при условии, что ими не будут нарушаться местные обычаи и они сумеют приспособиться к новой социокультурной среде [5, p. 189]. Первоначально же парсы, согласно легенде, должны были объяснить радже основополагающие принципы их религии. Дальнейшее непротивление индусского раджи их религиозным обычаям и обрядам сами парсы объясняли мудростью своего религиозного миропонимания и «чистым» образом жизни [2]. Однако, скорее всего, это объясняется традиционной веротерпимостью в целом системы индуизма.

Первоначально вооруженные, имевшие воинов, парсы должны были (и отказались) не только от ношения оружия, но и от военного ремесла, заверив в своей лояльности, миролюбии раджу: «Мы будем другом всей Индии (Name Hindustanra yar bashim)» – словами «Киссаи Санджан» [Цит. по: 5, p. 184].

Свое поселение парсы назвали Санджан, в честь родного города в Хорасане. Обосновавшись на новом месте, парсы построили храм огня. Связь с родиной символизировал священный огонь нового храма – Атеш-Бахрам, священный пепел для разжигания которого был привезен из Хорасана [7, с. 41]. В течение восьми столетий Атеш-Бахрам оставался единственным храмом огня парсов в Гуджарате. Храм стал не только культовым, религиозным центром, но и символом единения общины. Эндогамная замкнутость парсов была положена в основу существования общины, что обеспечило сохранение этнической и религиозной идентичности. Направленность деятельности ее членов на приспособление к новым условиям также имела целью выживание, самосохранение общности. Так, в «Сказе о Санджане» говорится, что примерно через три сотни лет парсы Гуджарата говорили только на гуджарати [6, с. 197]. Газетир Индии, характеризуя языки меньшинств, отмечает, что парсы говорят на гуджарати как одна из общин, долгое время проживающих в Индии и утративших непосредственные контакты с родиной [3, p. 409]. Восприняли парсы и индийскую одежду. Только во время религиозных церемоний все парсы надевали традиционные белые одежды, постоянно в которых ходили лишь служители культа. Женщины-парсиянки ходили с низко надвинутой на лоб косынкой, не снимая ее даже дома [4, vol. 29, p. 1084]. Таким образом, парсы сумели

усвоить новый язык и одежду, что послужило основой вливания общности в принимающее их общество.

Произошли некоторые изменения и в отправлении религиозных ритуалов, обусловленные влиянием индуистской традиции. Так, например, под влиянием индийского почитания коровы, парсы не только отказались от принесения этих животных в жертву, но и стали держать белого священного быка при храме. И все же за первые столетия после переселения парсов в Индию значительных, меняющих всю внутреннюю жизнь общины изменений, не было. За это время община парсов сумела занять свою нишу в принимающем обществе. Парсийская этноконфессиональная общность, в условиях индийского традиционного общества, стала восприниматься как одна из каст. Зороастризм стал считаться наследственной религией парсов, и поэтому практически нет сведений о принятии религии иноверцами. Стать зороастрийцем в Индии, а значит парсом, можно было, только родившись им. Однако статус парсов оставался низким, что было обусловлено невозможностью соединения парсов с земледелием и, как следствие – с властью, причастность к которым дает высокий статус в традиционном обществе. Пришлость парсов, их инорелигиозность послужили причиной этого. Места в сельской общине парсам не было, потому что они не могли заниматься ни земледелием, ни ремеслом, обслуживающим земледелие, так как в земледельческой общине существовала система джаджмани (взаимных услуг), основанная на индуистской ритуальной традиции.

Постепенно парсийское сообщество оформляется как община городских жителей. Необходимо отметить сравнительно большую социальную однородность парсов. Почти полное отсутствие низших слоев, а также отсутствие военных специалистов характеризует их. Основными занятиями парсов были ремесло, мелкая и средняя торговля, обслуживание, отправление своих религиозных ритуалов. Преимуществом парсов было то, что, в отличие от кастовой индуистской общности, у них не было ограничений в выборе рода деятельности (исключая только, как отмечалось, земледелие в сложившихся сельских общинах), жесткой привязанности к определенному занятию. Кроме того, они не были связаны шкалой «чистоты и осквернения» индусов. Это позволяло им быть более мобильными и расширяло диапазон их

возможностей. Более динамичная жизненная позиция парсов была обусловлена также их религией, зороастризмом.

Пророчество Зороастра, требуя послушания у приверженцев в качестве этического долга, давало единое видение жизни, наполняя ее единым смыслом. Жизнь и мир, социальные и космические процессы, в глазах зороастрийца, подчинены единой цели, единому смыслу – победе Добра над Злом. Поведение зороастрийца, чтобы принести спасение, должно быть ориентировано на него, и, таким образом, также обрести единый смысл. Для спасения зороастрийцу недостаточно было страстно верить, читать молитвы, следовать трехчастной этике зороастризма (добрая мысль, доброе слово, доброе дело). Он должен был на протяжении всей своей жизни вести активную, угодную Богу деятельность в миру. Человек выступает здесь как активный деятель, активный преобразователь мира. Роль человека, его жизненной активности необычайно высока в зороастризме. Человек выступает здесь как орудие божественной воли. Приумножение материальных благ, рождение у праведных зороастрийцев сыновей, которые смогут приумножить воинство благого начала – все это шаги на пути к конечной цели – победе Добра над Злом. Зороастризм приучает к порядку и чистоте, состраданию и благодарности к родителям, семье, близким, заботе о земле и др. Упорство в труде, в достижении цели характеризовали парсов. Забота о родителях, семье, близких, помощь единоверцам – все это входило в круг повседневных обязанностей парсов. Эти принципы консолидировали общину. Широко развитой была взаимовыручка, благотворительность. Это способствовало тому, что община парсов была сплоченной и состоятельной.

Общность на протяжении своей истории демонстрировала большие адаптивные способности. Динамичная жизненная позиция парсов, обусловленная как их религией, зороастризмом, так и обстоятельствами, в которых они оказались, способствовали оформлению общины как торгового меньшинства. Однако в слабозаселенных местностях, где парсы могли выбирать род деятельности, они продолжали традиционное для них на родине занятие – земледелие. Оформление этноконфессиональной общности парсов в качестве торгового сообщества конструировалось через социальный контакт, социальное взаимодействие. К моменту прихода англичан в Индию парсийскую общину характе-

ризovali, с одной стороны, включенность в экономическую жизнь Гуджарата, а с другой – отъединенность от основной массы населения, их религиозная, культурная, этническая чужеродность. Будучи пришлыми, чужаками, парсы не были включены в деревенский мир, что предопределило их низкий социальный статус в принимающем индийском обществе, однако это же давало и определенные преимущества в ведении дел: меньше социальных связей и обязательств, меньше различного рода табу и запретов.

Будучи вынужденными мигрантами, стремящимися сохранить себя, свою религиозную, этническую идентичность, парсы выбрали стратегию на замыкание своей группы. В условиях индийского традиционного общества они стали восприниматься как одна из каст с наследуемой религией и хозяйственной специализацией. Действительная чужеродность (этническая, религиозная) парсов, не позволившая им интегрироваться в замкнутый деревенский мир, связанный системой джаджмани и особыми культурными, религиозными, ритуальными традициями, а также динамичная жизненная позиция самих парсов, вызванная не только религиозной этикой, но реальной необходимостью сохранить себя, привели к оформлению парсийской общности в качестве торгового сообщества, занятого, по преимуществу, в сфере городской торговли, ремесел.

Парсы, на протяжении всей своей истории в Индии, имели низкое демографическое представительство, сохраняли свои этнокультурные границы. Упорство в труде, в достижении цели, воспитанное в парсах их религией – зороастризмом, в сочетании с приобретенными навыками предприимчивости, динамизм, умение ориентироваться в новых ситуациях сделали парсов-торговцев отличными купцами. Знание внутренних районов страны, местных языков, значительные денежные средства, находящиеся в их руках, а также рациональное поведение сделали их наиболее выгодными партнерами англичан. Пройдя стадию патрон-клиентных отношений, стадию равного партнерства, парсы к началу XX в. смогли составить конкуренцию, как предприниматели, англичанам.

Привнесенная европейцами индивидуалистическая система ценностей не смогла разрушить общину как социальный институт. Парсийская община оставалась единой, консолидированной этноконфессиональной общностью. Несмотря на присущую пар-

сийской общине дисперсность, она сохранилась благодаря четкой внутренней иерархии управления как единое целое до середины XX в. Община переставала быть «юридическим лицом», т. е. от нее отходили постепенно функции административные, налоговые, правовые. Шел стремительный процесс «европеизации» общинной жизни, тем не менее, общинные устои не рухнули в новых условиях. Европеизированное молодое поколение продолжало жертвовать большие суммы денег на строительство новых храмов, на создание благотворительных организаций. Религия, несмотря на воздействие европейского свободомыслия XIX в., оставалась жизненно важной частью повседневной жизни парсов. Парсы были первой индийской этноконфессиональной общностью, вставшей на путь модернизационного развития. Несомненно, что тесное сотрудничество с англичанами в сфере бизнеса, а также европейское образование парсов способствовали этому. Однако необходимо учитывать и высокую степень умения парсов приспособиться, выработанную ими за более чем тысячелетнюю историю проживания в Индии.

Сохранению общинного способа организации в социуме парсов, с одной стороны, способствовала мощная инерция, создаваемая веками, а с другой – этому способствовали чисто объективные причины. Община помогала налаживать и поддерживать взаимоотношения с колониальными властями, европейскими предпринимателями, традиционной индийской элитой. Сплоченность, взаимопомощь продолжали оставаться залогом пусть уже не самосохранения, но делового успеха и процветания. Немаловажное значение имело также то, что община давала моральную, религиозную санкцию на деловой успех. Предпринимательская деятельность расценивалась как служение Богу, религиозный долг. Приумножение материальных благ и вообще успех в деловой сфере расценивался парсами как успешное выполнение религиозного долга. Ориентированность на успех, умение жить сразу в нескольких социокультурных, языковых мирах, стремление и умение посредничать между ними позволили парсам легко войти в новый колониальный мир, усвоить привнесенные англичанами язык, образ жизни, некоторые духовные ценности, профессиональные умения и знания. К середине XX в. парсы заняли лидирующие позиции среди индийских общин в промышленности, финансах, особенно в таких экономических цен-

трах Индии, как Бомбей и Калькутта. Факторами делового успеха этих групп можно назвать общинную мобилизацию ресурсов, доминирование во внутренней банковской системе, налаженный механизм деловых отношений внутри общины, в том числе и тесная внутриобщинная связь через брачные союзы, успешное сотрудничество с англичанами.

На рубеже второго тысячелетия среди парсов нет единой стратегии сохранения общины, единого видения ее будущего. Однако практически все члены общины говорят о необходимости сохранения своей религии, традиции, культуры. В настоящее время это община, которая не очерчивает свои границы локальными, территориальными рамками. Граница группы обсуждаема внутри общины, проблематична для самих парсов, но связано это, прежде всего, с проблемой сохранения религии и ролью, которую отводят в решении этого вопроса религиозной принадлежности супругов. Дискуссионными на сегодняшний день для парсов остаются и вопросы, связанные с сохранением повседневной религиозной традиции (похоронный обряд, брак), а также проблема принятия зороастризма, как «выход» на вопрос: «Можно ли стать зороастрийцем?». Однако парсы не обсуждают и не «модернизируют» доктрины веры, символы (судра, кусти), священные тексты. Религиозная традиция и для современных парсов – основа жизненных ценностей.

Использование сети Интернет позволяет разбросанным по всему миру небольшим парсийским общинам быть не просто в курсе последних дел общины в целом, но и дает возможность чувствовать ее единство. Регулярное использование ресурсов официальных парсийских сайтов, активное обращение к ним подстегнуло дискуссию среди парсов об их самоопределении, о сохранении их идентичности. К рубежу XXI в. парсийская община подошла с активно обсуждающейся проблемой самосохранения, в частности, ввиду того, что данной проблеме стали больше уделять внимания, чаще обращаться к этой теме на страницах Интернета, что, вероятно, отражает волнообразный, пульсирующий характер процессов самоопределения общины. Современная община парсов стала сообществом людей, свободно ориентирующихся в индустриальном и постиндустриальном мире, добившихся в нем социального успеха и экономического процветания, и вместе с тем, сохранивших веру своих предков и общинное единство. Устойчивость существования парсийской общности

обеспечивалась фактором внутренней организации и наличием структурообразующего стержня – религии (зороастризма). Внутриобщинные связи институционализированы и основаны, в том числе, на сохранении религиозной традиции.

Литература

1. India an encyclopedic survey / Gen. ed. P. N. Chopra. – Ram Nagar-New Delhi : S. Chang and Co. Ltd
2. Maneck Bhujwala Dasturji Kotval's Lecture on Advent of Parsis in India. URL: <http://www.ozemail.com>.
3. The Gazetteer of India. Country and people. vol.I. – Simla : Government of India press, 1973.
4. The New Encyclopaedia Britanica. – New-York : Encyclopaedia Britanica inc., 15-ed. – 1994. – macropaedia vol. IX.– P. 170; vol. XXIX. – P. 1084.
5. The tribes and castes of Bombay by Enthoven R. E. – Delhi, 1975. – 172 p.
6. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс. – СПб., 1994. – 278 с.
7. Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране / Е. А. Дорошенко. – М. : Наука, 1982. – 132 с.